

Алексей Максимович Горький

НА ПАРОХОДЕ

Вода реки гладкая, тускло-серебристая, течение ее почти неуловимо, она как бы застыла, принакрытая мглой жаркого дня, и только непрерывное изменение берегов дает понять, как легко и спокойно сносит река старенький рыхлый пароход с белой каймой на трубе, с неуклюжей баржей на буксире.

Сонно чмокают шлепки плит, под палубой тяжело возится машина, сипит-вздыхает пар, дребезжит какой-то колокольчик, глухо ерзает рулевая цепь, но все звуки - не нужны и как будто не слышны в дремотной тишине, заставшей над рекой.

Лето - сухое, и вода - низка; на носу парохода матрос, похожий на монаха, - худощавый, чернобородый, с погашенными глазами на желтом лице, - мерно спуская за борт пеструю наметку, стонет-поет печально, тающим голосом:

- Сеем... се-ем... шесть... Словно жалуется:

"Сеem, сеem, а есть - нечего..."

Пароход не спеша поворачивает свой стерляжий нос то к одному берегу, то к другому, баржа рыскает, серый шнур буксира натягивается струною, дрожит; золотыми и серебряными искрами летят от него во все стороны брызги воды, - с капитанского мостика кричат в рупор толстые слова:

- Оол...уо...

Под носом баржи - белый крылатый вал, разрезанный надвое, он волнисто бежит к берегам.

В луговой стороне, должно быть, горят торфяники, там, над черными лесами, нависло опаловое облако, а может, его надышали болота.

С правой стороны берег высок, обрывист, голые глинистые скаты, но иногда они разрезаны оврагом, в нём - в тени - прячутся осины и березы.

Тихо, жарко, безлюдно на земле, в мутно-синем, выгоревшем небе - раскаленное добела солнце.

Без конца расплылись луга, кое-где среди них одиноко стоят, заснув, деревья, звездой дневной горит над ними крест сельской колокольни, вскинута в небо серые крылья мельницы, далеко от берега видны парчовые скатерти зреющих хлебов. Люди редко видны.

Всё вокруг немного слинявшее, спокойное и трогательно простое: всё так близко, понятно и мило душе. Смотришь на медленные, неуверенные изменения горного берега, на неизменную широту лугов, на зеленые хороводы леса, - они подходят к воде и, заглянув в зеркало ее, снова тихо уплывают в даль, - смотришь и думаешь, что не может быть на земле столь просто и ласково красивых мест, каковы эти вот - тихие берега реки.

Уже на прибрежных кустарниках виден желтый лист, но всё вокруг улыбается двойственной, задумчивой улыбкой молодухи, для которой пришла пора впервые родить, - и страшит ее это и радует.

Время - далеко за полдень. Пассажиры третьего класса, изнывая от скуки и жары, пьют чай, пиво, многие сидят у бортов, молча глядя на берега. Дрожит палуба, звенит посуда в буфете, и всё вздыхает усыпительно матрос:

- Шесь... шесь с половина-ай...

Из машины вылез копченый кочегар и, развинченно покачиваясь, тяжело шаркая босыми ногами, идет мимо какты боцмана, а боцман, светловолосый бородатый костромич, стоя в двери и насмешливо прищутив бойкие глаза, спрашивает:

- Куда торопишься?

- Митьку дразнить.

- И то - дело!

Болтая черными руками, кочегар пошел дальше, боцман, неохотно позевнув, оглянулся. Около спуска в машину на длинном ящике сидит маленький человечек в коричневом пиджаке, в новом теплом картузе, в сапогах, облепленных серыми комьями засохшей грязи. От скуки боцману захотелось распорядиться, он строго окрикнул:

- Эй, земляк!

Тот, пугливо и по-волчьи, - всем туловищем, - повернулся к нему.

- Ты чего тут сел? Написано - "Осторожно", а ты сел! Али неграмотен?

Пассажир встал и, оглядывая ящик, отозвался:

- Грамотный.

- А сидишь где нельзя!

- Не видать надпись-то.

- И жарко тут; из машины масляный дух. Ты откуда?

- Кашинской.